

АРКАДИЯ • ПЕРЕКРЕСТКИ

БРИН ГРИНВУД

ЗВЕЗДНАЯ ЖИЗНЬ
ВЭЙВИ КУИНН

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Г85

Вгуп Greenwood
ALL THE UGLY AND WONDERFUL THINGS

Перевела с английского
Ольга Кидвати

Художник
Светлана Ихсанова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Гринвуд Б.
Г85 Звездная жизнь Вэйви Куинн : [роман] / Брин
Гринвуд; [пер. с англ. О. Кидвати] — СПб. : Аркадия,
2019. — 448 с. — (Серия «Перекрестки»).

ISBN 978-5-906986-63-4

Девочка со сложным именем Вэйвонна очень хорошенькая и очень странная: она не ест на людях, не разговаривает и никому не позволяет себя касаться. Ее единственные друзья — это звезды. Но однажды Вэйви случайно знакомится с взрослым байкером, которому начинает доверять. А потом и влюбляется. Правда, если вы думаете, что с этого момента все в судьбе девочки радикально меняется, то ошибаетесь: это жизнь, а не сказка. И избранника Вэйви терпеть не могут ни власти, ни ее родственники...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Вгуп Greenwood, 2016
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ISBN 978-5-906986-63-4 ООО «Издательство Аркадия», 2019

*Моим добродушным бабушкам,
которые так любят печь пирожки*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ЭМИ

Март 1975 года

Мама всегда начинала эту историю словами: «Ну она же родилась на заднем сиденье чужого автомобиля...» — как будто это объясняло, почему Вэйви такая ненормальная. Мне-то кажется, что подобное могло случиться с кем угодно. Скажем, вполне respectable авто среднего класса — авто ваших родителей — сломалось по пути в больницу. Но к Вэйви это не относится. Она появилась на свет на заднем сиденье чужого автомобиля, потому что в тот день дядя Лиам и тетя Вэл, у которых тогда не было никакого жилья, ехали по Техасу и вдруг их издавший виды микроавтобус заглох. Тетя Вэл, которая была на излете девятого месяца беременности, отправилась на попутке в ближайший город за помощью. В общем, если вам захочется побыть добрым самаритянином для какой-нибудь дамочки на сносях, вначале хорошенько подумайте о возможных последствиях.

Обо всем этом я узнала, подслушивая разговоры на заседаниях маминого литературного клуба, что проходили вечерами по вторникам. Иногда дамы беседовали о книгах, но по большей части просто сплетничали. Именно там мама и начала оттачивать «Трагическую и поучительную историю Вэйвонны Куинн».

После рождения Вэйви мама лет пять не получала вестей от тети Вэл. Первая новость, которая до нее дошла, заключалась в том, что дядю Лиама арестовали за торговлю наркотиками и тете Вэл нужны деньги. Когда тетю Вэл тоже арестовали (мама не говорила, за что), не осталось никого, кто бы мог позаботиться о Вэйви.

На другой день после второго телефонного звонка нас навестила бабушка: прикрыв двери, она спорила с мамой в гостиной, приводя в качестве аргументов «что посеешь, то и пожнешь» и «кровь — не вода». Моя добродушная, пахнущая пирожками бабушка кричала: «Она нам родная! Если вы ее не заберете, это сделаю я!»

И мы ее забрали. Мама пообещала нам с Лесли кучу новых игрушек, но нас так взбудоражило предстоящее появление двоюродной сестры, что это не имело значения. Вэйви была нашей единственной кухней, потому что, как объясняла мама, папин брат — *гей*. Мне тогда сравнялось семь, а Лесли почти девять лет, и мы сочиняли про Вэйви истории, мало чем отличающиеся от сказок братьев Гримм, в которых она голодала, сидела в клетке и жила в лесных дебрях с волками.

В день появления Вэйви погода была точь-в-точь как в наших мрачных фантазиях: унылая и дождливая с порывами ветра. Конечно, лучше было бы кухне прикалываться в черном лимузине или в карете, запряженной лошаадьми, но ее привезла на бежевом седане работница соцслужбы.

Сью Эналдо, рыхлая женщина в синем брючном костюме, показала мне Санта-Клаусом, принесшим волшебный подарок. Не успела она раскрыть зонтик над своей тщательно уложенной прической в стиле Долли Патрон¹, как Вэйви выскочила с заднего сиденья

---

¹ Американская актриса, автор-исполнитель песен в стиле «кантри».

машины, волоча за собой полиэтиленовый пакет, в каких обычно носят продукты. Она промокла до нитки, пока добежала до нашей входной двери.

У Лесли при виде кухни вытянулось лицо, но я не была разочарована. Вэйви вошла в распахнутую мамой дверь и остановилась, разглядывая свое новое жилище тем непостижимым взглядом, который со временем довел маму до отчаяния, а меня буквально загипнотизировал. Глаза у нее были темные, но не карие. Серые? Зеленые? Синие? Разглядеть не удавалось. Просто очень темные глаза, которые напряженно всматривались в мир. Брови и ресницы были светлыми до прозрачности, под стать волосам — серебристо-белым, прибитым дождем к голове. Вода стекала по плечам девочки и капала с подола сарафанчика на плитки пола.

— Вэйвонна, зайка, я твоя тетя Бренда, — прозвучавший высокий и фальшиво-радостный голос совершенно не походил на мамин. Потом мама с тревогой глянула на Сью: — Она... с ней все в порядке?

— С ней все как обычно: за всю дорогу не произнесла ни слова. В семье, где Вэйви провела последнюю неделю, мне рассказали, что она тихая, как мышка.

— Ее показывали врачу?

— Показывали, но она никому не дала до себя дотронуться. Пинками отбилась от двух медсестер, даже ударила доктора.

Мамины глаза расширились, а Лесли отступила на шаг.

— Ладно-ладно, — проворковала мама. — Вэйвонна, у тебя же там в мешке есть какая-то одежда? Давай-ка переоденем тебя в сухое, хорошо?

Должно быть, она ждала от Вэйви сопротивления, но та выпустила из рук продуктовый пакет, стало маме к нему потянуться. Заглянув туда, мама нахмурилась:

— А где остальные ее вещи?

— Тут все, — пожалала плечами Сью. — Она попала к нам одетая только в мужскую футболку. А это все собрали в семье, которая ее временно опекала.

— Я уверена, у Эми найдется, во что ее переодеть.

Сью наклонилась к Вэйвонне, упершись руками в колени, и сказала:

— Вэйвонна, я сейчас уеду, а ты останешься со своей тетей. Тебе это понятно?

Взрослые обращались к Вэйви, как к совсем маленькой. Но она, пятилетняя, вдруг очень по-взрослому сдержанно кивнула Сью — мол, идите уже.

Дверь за Сью закрылась, и мы вчетвером остались стоять в передней. Мама, Лесли и я уставились на Вэйви. А она... Кажется, кузина умела видеть сквозь препятствия — ее взгляд, словно рентген, пронзил стену прихожей и остановился на масляной лампе с фигуркой Венеры, висевшей по другую сторону стены, в гостиной! Я догадалась, что привлекло ее внимание, но как ей удалось узнать, где находится лампа и что смотреть надо именно туда?

— Что же, девочки, давайте пойдем наверх и переоденем Вэйвонну в сухое, — проговорила мама.

В моей комнате Вэйви остановилась между двумя кроватями. С нее капало на ковер. Мама ужасно нервничала, а я от души радовалась, что в моей комнате оказалась настоящая живая двоюродная сестра.

— Эми, сможешь ей распаковать вещи, пока я схожу за полотенцем? — и мама ретировалась, оставив нас одних.

Я открыла шкафчик, вынула из пакета Вэйви ее имущество: сарафан, такой же поношенный, как и тот, что был на ней, две пары трусов, фуфайку, фланелевую ночнушку и новенького пупса, балгоухавшего свежей пластмассой, — и показала кухне на пустую полку:

— Теперь она твоя.

Вести себя по-взрослому, как мама, было глупо — я хотела понравиться Вэйви. Положив одежду в шкаф, я протянула ей пупса:

— Это твой малыш?

Она посмотрела на меня, действительно посмотрела, и тогда я узнала, что у нее не карие глаза. Ее голова качнулась влево, вправо, и вернулась в обычное положение. Нет.

— Ну, мы можем положить его сюда, для надежности, — сказала я.

Мама вернулась с полотенцем и попыталась прикрыть им мокрую голову Вэйви. Но раньше, чем она успела коснуться головы моей кузины, та выхватила полотенце и вытерлась сама.

Мгновение мама молчала, ошарашенная, потом проговорила:

— Давай найдем тебе какую-нибудь одежду.

Она положила на кровать трусы и футболку. Без тени смущения Вэйви стянула с плеч сарафан, и тот упал на пол, а она переступила через него обутыми в тенниски ногами. Она оказалась почти такой же тощей, как дети в социальных роликах Детского фонда ООН. Ребра проступали даже под сухой футболкой, в которую она переделалась. Я предложила ей свои любимые вельветовые брючки и клетчатую рубашку, но она, мотнув головой, большим и указательным пальцем приподняла невидимую юбку. Мама беспомощно посмотрела на меня.

— Она хочет надеть другой сарафан, — пояснила я.

— Да лучше бы что-нибудь потеплее!

Тогда я вытащила из шкафа платье, которое надевала единожды на Рождество и с той поры ненавидела всем сердцем, — цвета морской волны с кружевным воротничком. Вэйви оно было великовато, но очень шло. Под-

сохшие льняные прядки красиво обрамляли узкое личико кузины — она словно сошла со старой фотографии.

Во время обеда Вэйви вместе с остальными сидела за столом, но не съела ни кусочка. Та же история повторилась за ужином и за завтраком на следующее утро.

— Ну пожалуйста, зайка, попробуй хоть кусочек! — Мама казалась измученной, хотя провела лишь день в роли тетушки-опекунши.

Я люблю маму. Она всегда была хорошей матерью. Она рисовала с нами и помогала нам лепить и клеить поделки, пекла булочки и водила нас в парк. Вплоть до подросткового возраста она каждый вечер приходила к нам с Лесли, чтобы подоткнуть одеяла. Но Вэйви явно не нуждалась во всем этом. Ей необходимо было нечто иное.

В первый вечер мама уложила нас с Вэйви по кроватям: меня с Винни-Пухом, а Вэйви с пупсом, хотя та уже дала понять, что он ей не принадлежит. Стоило маме выйти из комнаты, как Вэйви сбросила одеяло, и я услышала глухой стук — это грохнулся на пол пупс. А потом в комнате стало темно. Если бы это Лесли решила меня разыграть или перегорела лампочка, я бы закричала и позвала маму. Но мой ночник выключила Вэйви, и я задрожала от испуга и от восторга одновременно. Кузина улеглась в постель и заговорила. У нее оказался тоненький тихий голосок, как раз такой, какой ожидаешь услышать от похожей на эльфа малышки.

— Кассиопея. Цефея. Малая Медведица. Лебедь. Персей. Орион.

И раз уж она наконец расхрабрилась, я рискнула спросить:

— Что это значит?

— Имена звезд.

Прежде я никогда не слышала ничего подобного! Подняв над головой руку с вытянутым указательным

пальцем, Вэйви водила им, словно направляя движение звезд. Как дирижер во время исполнения симфонии.

На следующий вечер Вэйви улыбнулась мне, когда мама ползала по полу в поисках ненужного пупса. Но через минуту после того, как одеяла были подоткнуты, пластмассовый человечек опять оказался в пыли под кроватью. В конце концов благодаря этому он получил имя и стал называться Пыльным Крошкой. Если перед сном мама не могла его найти, я говорила: «О, нет! Кажется, Пыльный Крошка снова пропал!» — чтобы заставить Вэйви улыбнуться.

Наша дружба крепла, а мама сходила с ума от волнения. За первый месяц она трижды сводила Вэйви к врачу, потому что та ничего не ела. В первый раз медсестра попыталась засунуть моей кузине в рот градусник. Ничего хорошего из этого не вышло. Во второй и третий раз ее поставили на весы, и доктор объявил:

— Некоторый недовес имеется, но это не опасно. Должно быть, она все-таки что-то ест.

Папа сказал то же самое, и именно он нашел тому доказательства. Однажды он вернулся с работы поздно вечером, когда мы мирно спали. Нас разбудил его крик:

— Вот черт! Что ты делаешь? Что ты делаешь?

Вэйви в кровати не было, поэтому я спустилась в кухню. Там обнаружился папа с крышкой от помойного ведра в одной руке и с кожаным портфельчиком в другой. Я еще никогда не оказывалась на кухне в такое позднее время. Днем тут было тепло и солнечно, но сейчас запахнутая за папиной спиной дверь, которая вела в подвал, казалась темной разверстой пастью какого-то чудовища.

— Что случилось, папочка?

— Ничего не случилось. Возвращаясь в постель, — он закрыл крышкой помойное ведро и положил на стол портфель.

— Что происходит, Билл? — у меня за спиной возникла мама и положила мне на плечо руку.

— Она ела мусор.

— Что? Эми, да как тебе это...

— Не Эми, а твоя племянница.

Больше мама не водила Вэйви к врачу и не жаловалась, что та ничего не ест.

Так и не справившись с этой проблемой, мама как одержимая принялась обшивать мою двоюродную сестру. Покупные платья на Вэйви висели как на вешалке и казались вычурными. Кузина их ненавидела. В первый же день, надев мое парадно-выходное платье, она оторвала от него кружевной воротничок.

Всего мама сшила с десяток платьев, а Вэйви умудрилась их все распороть. Она ковыряла швы, пока ей не удавалось полностью вытащить нитки. Таким способом она распускала платье меньше чем за неделю. Мама заново прострачивала их после каждой стирки. За счет этого платья жили дольше, и получалось очень практично. Но маму занимала не практичность, а объяснение странного поведения.

Как-то раз одна из дам, посещавших литературный клуб, поинтересовалась:

— А туалетом она пользуется?

Мама нахмурилась и покачала головой:

— Хоть этой проблемы у нас нет. В июле ей исполнится шесть.

Мы с Вэйви подслушивали под кухонной дверью. Ей нравилось, незаметно подкрадываясь, узнавать тайны разных людей, вроде того, что папа прячет сигареты в банке из-под кофе в гараже. Все игры Вэйви были такими.

— Может, она необычно себя ведет из-за какого-то неподобающего контакта, — предположила еще одна из клубных дамочек.

— Думаешь, над ней могли надругаться? — воскликнула другая. Судя по голосу, идея даму и шокировала, и возбуждала.

После этого заседания Вэйви впервые отвели к психотерапевту. В результате кузина перестала распускать свои платья, и мама некоторое время ходила с видом триумфатора. Она сказала папе:

— Думаю, мы сделали шаг вперед.

Но потом она обнаружила, что пострадали занавески в гостевой спальне. Именно за них взялась Вэйви, когда перестала потрошить швы на своей одежде. Мама и папа орали друг на друга, а Вэйви смотрела сквозь них.

— Почему она обязательно должна быть больна?! — возмущался папа. — Может, она просто со странностями? Видит бог, твоя сестра тоже довольно странная. У меня нет времени на истерики, которые ты устраиваешь из-за всего, что она вытворяет. Мне нужно перед концом финансового года привести в порядок документацию!

— Я беспокоюсь за нее, что в этом такого ужасного? Она совсем не разговаривает! Что с ней будет дальше?

— Она разговаривает, — вмешалась Лесли. — Я слышала, как она по ночам говорит с Эми.

Мама медленно повернулась к нам и переключилась на меня:

— Это правда? Она с тобой разговаривает? — Она молящим взглядом смотрела мне прямо в глаза. Я кивнула. — Ну так и что она говорит?

— Это секрет.

— Никаких секретов, Эми. Если она говорила тебе что-то важное, ты должна рассказать мне. Ты же хочешь помочь нашей Вонни, правда? — мама опустилась передо мной на колени, и я поняла, что она все равно выпытает у меня мою тайну. Но я знала: это не поможет

ни маме, ни Вэйви, зато лишит меня чего-то очень важного и ценного, и потому просто начала плакать.

Меня спасла Вэйви. Прикрывая рот ладошкой, она произнесла:

— Я не хочу об этом говорить.

Мама выпучила глаза.

— Я... я... я...

Она не могла больше выдать ни слова. Даже папа, казалось, был ошеломлен. Молчаливая, как призрак, девочка оказалась способна говорить целыми предложениями.

— Нам с тобой стоит снова сходить к психотерапевту, — наконец обрела дар речи мама.

— Нет.

После этого дела могли бы пойти на лад, но кроме ночных разговоров у нас с Вэйви была еще одна тайна. Ночами ей нравилось тихонько ускользать из дому, и я присоединялась к ней. Прошлепав по ступенькам босыми пятками, мы осторожно открывали кухонную дверь и отправлялись бродить по окрестностям.

Иногда мы просто смотрели. Иногда что-то брали. В ночь, когда Вэйви исполнилось шесть лет, она даже не прикоснулась к своему праздничному тарту, зато потом вскрыла в доме миссис Ниблэк сетчатую дверь от насекомых. Мы прокрались через кухню к холодильнику, и Вэйви, прижав пальцем рычажок, чтобы внутри не загорелся свет, открыла дверцу. На нижней полке стоял недоеденный лимонный пирог, и мы прихватили его с собой. Сидя на корточках под плакучей ивой на заднем дворе Герингов, Вэйви оторвала от него кусок, передала тарелку мне и зашла за угол сарайчика. Вернулась она с пустыми руками. Да уж, моя кухня точно не голодала!

И еще иногда мы подбирали всякие вещи. Винную бутылку, выловленную из канавы. Женскую туфлю